

ФИЛОСОФИЯ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОСОФИИ ВЛАДИМИРА ШАРОВА

Киосе Оксана Афанасьевна

Старший преподаватель, Пермский национальный
исследовательский политехнический университет;
Аспирант, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
oks_kiose@mail.ru

THE PHILOSOPHY OF NIKOLAI FEDOROV IN THE ARTISTIC HISTORIOSOPHY OF VLADIMIR SHAROV

O. Kiöse

Summary: The article considers the role and place of Russian religious philosophy of the XX century in the worldview and in the artistic texts of the writer Vladimir Sharov (1952 - 2018). In particular, the influence of N. Fedorov's (1828 - 1903) "Philosophy of the Common Cause" on Sharov's historiosophy is analyzed. The study of Vladimir Sharov's journalistic works gave the identification of the central events of Russian history interpreted by the author under the influence of N. Fedorov's ideas. The analysis of Sharov's novels "Be Like Children", "The Resurrection of Lazarus" allowed us to discover the interpretation of Fedorov's ideas, the image of the philosopher in the artistic texts of the modern writer.

Keywords: historiosophy, Russian religious philosophy, Nikolai Fedorov, Vladimir Sharov, modern literature.

Аннотация: В статье рассматривается роль и место русской религиозной философии XX века в миропонимании и в художественных текстах писателя Владимира Шарова (1952–2018). В частности, проанализировано влияние на историософию Шарова «Философии общего дела» Н. Федорова (1828–1903). Исследование публицистических работ Владимира Шарова дал определить центральные события истории России, интерпретируемые автором под влиянием идей Н. Федорова. Анализ романов Шарова «Будьте как дети», «Воскрешение Лазаря» позволил обнаружить интерпретацию федоровских идей, образа философа в художественных текстах современного писателя.

Ключевые слова: историософия, русская религиозная философия, Николай Федоров, Владимир Шаров, современная литература.

Писатель, историк и философ - Владимир Шаров, автор романов «След в след: Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах» (1991), «Репетиции» (1992), «Старая девочка (1998), «Возвращение в Египет» (2013), «Царство Агамемнона» (2018), книг публицистики «Искушение революцией» (2009), «Перекрестное опыление» (2018).

Русская философская мысль всегда интересовала Шарова, но в особенности его привлекала философия XX века. В настоящей работе исследуется влияние на миропонимание Шарова философских идей одного из значимых для российской общественной мысли философов XX века - Николая Федорова. М. Эпштейн в статье о религиозном аспекте русской истории в понимании В. Шарова справедливо отметил: «Федоровская тематика столь важна для Шарова оттого, что вписана в священную русскую историю, и особенно конкретно – в советский период.» [Эпштейн 2020: 151]. Федоровские идеи переделки мира и воскрешения отцов повлияли на многих русских писателей - Достоевского, Толстого, А. Платонова, Б. Пастернака (в романе «Доктор Живаго») и др. В прозе В. Шарова это влияние проявилось и на уровне усвоения идей, и в текстах романов, и в образной системе писателя.

В статье «Октябрь семнадцатого и конец истории» (2018) Владимир Шаров пишет о значимости философии

Федорова для всей истории России XX века: «То, как оно, это общество, будет строиться и каким в итоге должно оказаться, наверное, наиболее полно, не упуская даже мелких деталей, объяснил оригинальнейший русский философ-космист, автор «Философии общего дела» Николай Федоров. Для нас его учение важно по многим обстоятельствам, в частности, и потому, что Федоров оказал огромное влияние на всю русскую культуру и политическую мысль конца XIX – первой половины XX века. Под обаянием его личности и того, как он представлял себе дальнейший ход человеческой жизни, находились Толстой, Достоевский и Владимир Соловьев, Хлебников, Маяковский и Платонов, Циолковский, Филонов и Петров-Водкин. Чаще через них, а не напрямую, идеи Федорова и расходились по стране.» [Шаров 2018: 88]

Учение Федорова тесно связано с христианством, в частности с православием, где главная ценность - идея воскресения Христа и вечной жизни. С.Г. Семенова в работе «Философ будущего века: Николай Федоров» (2004) пишет о значении трудов Федорова для истории русской мысли: «Его наследие - знаменательный факт русской культуры, в котором сошлись вековые духовные, нравственные традиции» [Семенова 2004: 8]. Борис Гройс, представляя в эссе «Русский космизм: биополитика бессмертия» (2015) обзор идей русского космизма, заметил: «мир видится Федорову Космосом, т. е. не угрозой жизни, а ее домом. Понимание мира как Космоса, т.е. поряд-

ка, обеспечивающего возникновение и продолжение жизни, а не Хаоса, несущего с собой смерть, является актом веры. И сам Федоров охотно подчеркивает происхождение этого понимания из христианской традиции». [Гройс 2015]

Идеалом Федорова было осуществление Царства Божия в этом мире. Путь к Царству Божию Федоров видел в необходимости человеку научиться управлять природой для преодоления голода, удовлетворения всех жизненных потребностей и искоренению тем самым источника человеческой вражды. Также людям необходимо будет сосредоточить силы на науке, чтобы не только управлять природой на Земле, но и иметь возможность развиваться на других планетах вселенной. Все эти шаги должны были привести человечество к главной цели - воскрешению предков, Федоров считал аморальной позитивистскую теорию прогресса с её бессердечным отношением к поколениям прошлого и стремлением создать благополучие живущего поколения на трупах и страданиях предков. «Нужно жить не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех; это и есть объединение живущих (сыновей) для воскрешения умерших (отцов)» [Федоров 2004: 110].

Владимир Шаров обращается к работе Н.Федорова в каждой статье, посвященной истории России в XX веке, - «Это я: я прожил жизнь» (2000), «Меж двух революций» (2005), «Памяти Пролетарской силы» (2009), «Октябрь семнадцатого года и конец истории» (2018) и др. В одном из интервью Шаров определяет значение философии Федорова для русской религиозной философии: «Надо сказать, что Николай Федоров перестроил всю русскую эсхатологию в крайне оптимистическом духе. Если вкратце, то он сказал, что, подчинив русской короне земной шар, человек сам и уже сегодня, сейчас может разрушить тот насковзь греховный мир, в котором он живет, и построить на земле рай. Больше того, он может тоже сам, не дожидаясь Спасителя, начать воскрешение всех когда-либо живших на земле людей. То есть необязательны ни антихрист, ни Страшный суд, ни Второе пришествие.» [Борисов 2020: 669]

Это толкование федоровских идей очень симптоматично, поскольку воплотилось и в романах Шарова. К работе «Философия общего дела» Федорова Шаров обращается в контексте понимания причин революции и в целом истории России XX века.

По Шарову, в философии Федорова был «четко и полно сформулирован комплекс представлений России о себе самой. О своей истории, о путях, которыми она должна идти и, главное, о предназначении, миссии, на нее возложенной» [Шаров 2009: 35].

Революции в России Владимир Шаров понимает как

событие Смуты, а в основе всех революций лежит Церковный раскол XVII века. Учение Николая Федорова в понимании Шарова дает тот шанс, который ждала вся страна, - возможность соединиться вновь, зарастить рану, созданную расколом и создать новую Россию: «Он был из первых, кто понял, что старое основание русского государственного порядка себя исчерпало. Оно треснуло и больше не держит нагрузки. Окончательное разделение святого народа, разное в нем понимание, куда и как должна идти страна, зашло слишком далеко, лишило его силы. И вот Федорову, давшему новый комментарий к Евангелиям Христа, пусть пока только на бумаге, но удалось преодолеть прежний раскол. Прочно скрепить обе враждебные части — имперскую и народную, сектантскую. Соединило их его «Общее дело»» [Шаров 2009: 19]

Одной из важных задач для построения новой России Федоров определил необходимость воскрешения «отцов».

В статье «Меж двух революций» Шаров показывает, что атеизм большевиков, выражаемый в уверенности, что человек может сделать все сам, без Бога, может сам воскрешать предков, в том числе оправдала и философия Федорова: «Тот, кто был распят за каждого из нас, благословляет его и на воскрешение всех, когда-либо живших на земле людей со времен Адама» [Шаров 2009: 34].

Владимир Шаров видит воплощение федоровских идей в литературе – в частности, в творчестве Андрея Платонова. В концепции Федорова, после уравнивания всех неровностей поверхности земли (сравнения холмов и гор, корректировки русел рек, сравнения городов и деревень и т.д.), все люди должны были переехать жить на кладбище, где их основной задачей было бы воскрешение предков: «чтобы не допускать превращения сел в города, и нужно переселение живущих из центров на окраины, на кладбища, к могилам отцов и вообще умерших» [Федоров 2004: 357]. Шаров в статье «Октябрь семнадцатого и конец истории» (2018) приводит в качестве примера воплощения идеи тот факт, что герои А. Платонова в «Чевенгуре» создают Мюнстерскую коммуны на кладбище [Шаров 2018]: «Копенкин медленно прочитал громадную малиновую вывеску над воротами кладбища: «Совет социального человечества Чевенгурского освобожденного района.» [Платонов 2009: 173]

Шаров заметил, что само мироустройство Чевенгура стало воплощением и концепции Маркса, и концепции Федорова в понимании большевиков с созданным раем руками коммунистов:

«– А раньше кто тут жил?

– Раньше буржуи жили. Для них мы с Чепурным второе пришествие организовали...» [Платонов 2009: 171]

«– Чевенгур от Новоселовска недалеко? – спросил Дванов.

– Конечно, недалеко. Только там гамаи живут и к нам не ходят, а у нас всему конец.

– Чему ж конец-то? – недоверчиво спрашивал Гопнер.

– Да всей всемирной истории – на что она нам нужна?» [Платонов 2009: 151]

В художественных текстах Шарова Николай Федоров и его философия претворяются ещё ярче, чем в статьях, - шаровской фикциональной истории России. В раннем романе Шарова «До и во время» (1993) Николай Федоров становится одним из главных героев. Федоров молодым знакомится с Жерменой де Сталь, проживающей свою вторую жизнь уже в России, а не во Франции, благодаря секрету продления жизни. Философия Федорова формируется в ходе монологов с Жерменой де Сталь (именуемой в России Евгенией Францевной). Целью Федорова была попытка «воскрешения Девы Марии», именно так он воспринял Жермену де Сталь, когда впервые встретил её в прозрачном стеклянном коробе. И все 5 лет их любовной связи Жермена де Сталь слушала размышления философа: «Ведь он сам с первого мгновения, как увидел ее на проселочной дороге, пошел за ней потому, что знал, верил, что сможет ее воскресить.» [Шаров 1995: 183]. Здесь идея «воскрешения отцов» Федорова воплощена почти буквально.

В романе достаточно подробно представлены основные идеи «Философии общего дела»: задача человечества - осознать, что различия природные и классовые мешают человеку прийти к Царствию Небесному. Рассказчик истории Федорова и де Сталь в романе - Николай Семенович Ифраимов - так понимает философию Федорова: «Человек вырубил леса и превратит их в пашню, оросит пустыни и тоже сделает из них пашню, и вот, когда вся земля станет одним огромным ровным полем и уже никто не будет голодать, никто изо дня в день не будет думать лишь о хлебе насущном, человек сможет заняться главным делом – делом воскрешения своего рода, высоким делом преображения земного, смертного по своей природе мира в мир без смерти – Царствие Небесное.» [Шаров 1995: 178]

Людам необходимо признать, что Бог дал силу человеку самому создать на земле Царствие и самому воскрешать людей. Федоров говорит Жермене де Сталь: «в Евангелиях всё это уже есть – дело спасения человека завещано Господом самому человеку; Христос дал нам лишь начатки учения, только семя его, и, если мы окажемся доброй почвой, почвой, хорошо увлажненной и взрыхленной, оно вырастет в нас, созреет и даст плоды. Он часто вспоминал слова Христа: “Дела, которые творю Я (воскрешение из мертвых), и он (пошедший за мной, то есть человек) сотворит, и больше сих сотворит...” – и другие: “Шедше научите все языки...”» [Шаров 1995: 181]

Немало внимание в романах шарова уделено про-

блеме влияния Федорова на русскую литературу. В романе «До и во время» Жермена де Сталь, вновь переродившись и проживая свою третью и последнюю жизнь, вновь находит Федорова, которого селит у себя в особняке, и создает кружок Федоровцев. В этот кружок входят Толстой, Достоевский, Соловьев и др.: «Круг почитателей Федорова был очень широк, и круг этот вслед за ним тоже целиком перекочевал на Ордынку. Состоял он из людей выдающихся. Достаточно назвать имена Толстого и Достоевского, были там и другие замечательные лица, например Владимир Соловьев; каждый из них в свою очередь имел свиту учеников, то есть Федоров был учителем учителей, и все они, повторяю, по вторникам и пятницам наполняли ее дом.» [Шаров 1995: 195] Но кружку Федоровцев не было суждено напрямую повлиять на ход революции. Когда Федоров уже не мог руководить кружком, он с де Сталь разыграли его смерть. Часть федоровского кружка объединились вокруг последователя Федорова - Владимира Соловьева, эта часть кружка продолжала разрабатывать революционные идеи, однако на действия они так и не решились даже тогда, когда революция началась. Вторая часть кружка откололась и присоединилась к Плеханову, так большевики и познакомились с философией Федорова, через перешедших к Плеханову федоровцев. Федоровцы, не найдя общий язык в Плехановым, со временем объединились с Лениным и образовали «независимую фракцию большевиков» [Шаров 1995: 202]. Марксизм, приверженцем которого был Ленин, в романе Шарова, был больше прикрытием для общественности, официальной идеологией, чем основой партии большевиков, хотя вся деятельность была построена именно на философии Федорова. Федоровские идеи в романах Шарова реализованы и в науке (для воскрешения людей было необходимо научиться отправлять людей в космос), и в политическом устройстве (репрессиям люди подвергались люди только с целью беспрепятственного достижения Царствия Небесного и с последующей обязательностью воскрешения всех убитых: «В 1924 году федоровцы и настояли на том, чтобы сохранить Ленина нетленным, как бы спящим в стеклянном гробу, пока Россия не построит для него ракету. Конструированием ее почти тридцать лет занимался федоровец Циолковский. На ракете Ленина должны были доставить в космос, где, освободившись от притяжения Земли, он восстанет из праха и сможет снова возглавить мировую революцию. Принадлежала федоровцам и еще одна, возможно, решающая для судеб революции мысль. Они говорили, что, учитывая, что смерть не окончательна, сейчас правильно и даже необходимо уничтожать, причем для их же собственного блага, каждого, чье существование препятствует общему делу – воскресению всех, когда-либо живших на Земле людей.» [Шаров 1995: 203]). В романах Шарова нелегко отделить прямое следование идеям Федорова и ироническую подоплеку их интерпретации.

Таким образом, Шаров претворяет в художественных образах историю русской философии, связь Федорова с Циолковским, Соловьевым в виде художественного трансфигионального нарратива.

В романе «Воскрешение Лазаря» (2002) философия Федорова, идея воскрешения, стала одной из центральных в жизни героев. Герои романа идут дальше героев романа «До и во время», они уже не только готовятся к воплощению идей Федорова, а стараются их реализовать. Главный герой живет у кладбища и его цель - воскрешение его отца Лазаря, он действует по методикам Николая Федорова: «Федоров, наш первоучитель, говорил, что кладбища надо превратить в кладбища-архивы, кладбища-музеи и библиотеки; за остальных не скажу, но я другого пути не вижу <...> Воскресят народ именно коммунисты. Революция — очистительная болезнь, в которой негодная, гниющая плоть сгорит дотла, дух же возродится и восстанет из пепла.» [Шаров 2002: 111–134]

В романе целый коллектив работает над наследием Федорова, занимаясь воскрешением отцов. Именно в этом романе была обозначена повторяющаяся и в дальнейшем творчестве Шарова фантазмагорическая идея об оправдании ЧК арестов, уголовных дел, лагерей и расстрелов тем, что в материалах допросов сохраняется история каждого человека, чтобы в будущем можно было воскресить каждого умершего, чтобы те, у кого не осталось потомков, тоже могли быть воскрешены. Задача ЧК - как можно подробнее вести дело о каждом подследственном и как можно дольше сохранять архивные дела: «Убивая человека, вы должны оставить с избытком, чтобы, когда придет время, его без затруднений можно было восстановить. Сразу после смерти обвиняемого его дело поступает в ваш архив или в музей при тюрьме, при лагере — словом, там, где его зарыли. Значит, необходимое для воскрешения уже собрано и готово, причем это не холодные, бесстрастные записи, нет, следствие должно идти предельно жестко, чтобы быть уверенным, что арестованный не скрыл ничего, до дна выложил свои тайны и страхи, привязанности и обиды, вкусы и привычки, словом, все. С первого дня, когда ты себя помнишь, важна каждая мелочь. А дальше настает срок, и человеческий род наконец поворачивает обратно; деторождение прекращается, и сыновья, как и предвидел Федоров, начинают восстанавливать своих отцов, восстанавливают отцов и дети палачей, но тут — отступление от Федорова.» [Шаров 2002: 168]

В романе «Возвращение в Египет» (2013) тоже часто обсуждаются идеи Федорова. Один из героев пишет: «Федоров - пророк мира, который устал от Бога, от Его своеволия и непостоянства, главное, от Его зряшных надежд на человека, который по самой своей природе не есть и никогда не станет безгрешным ангелом Нового мира, который готов взять на себя, отвечать за нашу зем-

ную жизнь, и за нашу смерть» [Шаров 2013: 642]. Здесь Федоров видит путь, по которому необходимо пойти России и всему человечеству, чтобы построить Небесный Иерусалим на земле.

В последнем романе Шарова «Царство Агамемнона» (2018) деятельность сотрудников НКВД понимается как попытка увеличить количество новых мучеников, которые своими молитвами будут приближать второе пришествие: «Своими собственными руками убивая праведников, плодя и плодя новых мучеников, мы не просто готовим конец сатане, мы сами себя спасаем. Это несомненно. Тут и спорить не о чем» [Шаров 2018: 112]

По Шарову, философия Федорова воплотила идею о мессианском характере истории России, основанную на концепции «Москва - Третий Рим»: «Не просто сохранив — бесконечно усилив обе трактовки Москвы как Третьего Рима, он нашел точку, где они наконец сошлись. <...> Идущее от XV века русское понимание сути жизни было обновлено, на равных усилено, с одной стороны, учением Федорова, что святой народ, вновь став заодно, сможет без помощи Христа спасти весь человеческий род, а с другой — коммунизмом, с его идеей всемирного пролетарского государства и построения рая на земле» [Шаров 2009: 19]

При этом идеи Федорова в прозе Шарова нередко представлены как укорененные в народном сознании. Ифраимов в романе «До и во время», рассказывая историю Федорова повествователю, говорит: «он [Федоров] не сказал ничего нового, они и сами это знали, и предки их испокон веку это знали, а он только дал понять, что пришел срок. <...> Русь была святой землей, землей, которая была избрана Богом, чтобы вывести на дорогу спасения и повести по ней к Господу все другие народы и языки, — это они слышали от него, но то же знали и сами; и они понимали, что как они, русские, избраны среди других народов, так он избран среди них.» [Шаров 1995: 194]

На идеях Федорова герои Шарова опираются в стремлении расширить территорию государства как империи: «Политическую карту грядущего Федоров представлял единой империей, она же — семья, законный отец которой наместник Царя Небесного на земле — русский царь. <...> верховная власть, по Федорову, должна была быть отдана и остаться навсегда за русским царем, на его прерогативы никто не только не посягает, наоборот, он — царь — основа и фундамент всего земного мироустройства» [Шаров 2018: 89]

Федоров, в трактовке Шарова в статье «Меж двух революций», освободил избранный русский народ от «греха» и приравнял каждого человека к Христу: «Он сказал им, что причина засух и неурожаев, голодных лет и эпидемий не в невезении — корень всех бед куда глубже. Он в несовершенстве мира, который Бог создал и отдал

людям. Кроме всего прочего, этими словами он оправдал человеческий род, очистил его от многих грехов.» [Шаров 2009: 33]. Шаровское проникновение в федоровские идеи делает возможным их толкование как спасительных для человечества: в статье «Это я: я прожил жизнь» «Но цель, смысл и назначение этого федоровского мира — не умалить человека до не имеющего никаких прав солдата, а, наоборот, неизмеримо его возвысить, сделать каждого равным Христу, дав ему в руки дар воскресения, а значит, и спасения всех когда-либо живших на земле людей» [Шаров 2000].

Атеизм большевиков также оправдывается у Шарова «Философией общего дела»: «даже церковная политика коммунистов почти что напрашивается из его учения. У Федорова, конечно, был отказ от Бога (от Его помощи) во имя Бога, но так или иначе это было началом удаления Господа из нашего мира, из-под юрисдикции которого было изъято даже воскрешение мертвых. Так что деятельный, жизнеутверждающий атеизм большевиков с не меньшим основанием, чем из Маркса, я бы выводил и из федоровской «Философии общего дела». И впрямь, если ждать Христа больше не нужно, все необходимое для спасения человеческого рода Он уже дал — остальное мы можем и должны сделать сами, своими руками, зачем тогда ходить в храм, что-то по-прежнему бесконечно вымаливая. Надо работать, денно и нощно работать, а не ждать милости ни от Бога, ни от природы.» [Шаров 2009: 25].

Федоровская «Философия общего дела» стала в конце XIX в., по Шарову, для России, ожидающей и приближающей приход Христа на протяжении многих веков, оправданием и новым маршрутом для спасения, который, по Шарову, усвоила и власть в XX веке.

Мы видим, что «Философия общего дела» Н. Федорова понимается Шаровым, наряду с концепцией Маркса, основой для идей коммунизма в России, определившей российскую историю XX века.

Как говорил Владимир Шаров, целью всего его творчества является попытка объяснить ход русской истории, объяснить события, происходившие в России в XX веке. Философия Николая Федорова становится для Шарова универсальным инструментом, который помогает вскрыть истоки совершенно разных стремлений власти и народа в XX веке. Страны, которая достигала невероят-

ных открытий в науке и одновременно с этим высылала и уничтожала великие умы, которая боролась с неграмотностью и в короткий срок сделала так, что 90% населения стали грамотными, и которая отправляла массово людей в ссылки в районы, непригодные для жизни.

Михаил Шишкин в статье «Бегун и корабль», построенной как письмо недавно ушедшему писателю, говорит о значимости философии Федорова в творчестве Шарова: «Чуть ли не половину твоей карты занимает Николай Федоров. Там нет гор, все скрыты. Низины засыпаны, всюду ровное поле. Вместо рек, текущих по собственной прихоти, – ровные каналы. Города, главные прибежища разврата, роскоши и неравенства, уничтожены. Весь земной шар подчинен русской православной короне. Второе пришествие рукотворно. Нечего ждать милостей у Христа, взять их у Него – наша задача. Святой русский народ может и без Его помощи спасти весь род человеческий. Смерти нет, ребята! Не обязательно ждать ни антихриста, ни Страшного суда, все устроим сами. Для общего дела построения рая на земле создаются трудовые армии. Вот распашем целину и возьмемся за воскрешение мертвых. В царство правды и вечной жизни – в ногу. Федоров – квинтэссенция русской катастрофы. С Христом ли, с Марксом – все кончается ГУЛАГом.» [Шишкин 2020: 26].

«Философия общего дела» дала те основания, которыми можно было объяснить происходящее в России, а включение идей Федорова в романы «До и во время», «Воскрешение Лазаря», «Возвращение в Египет», «Царство Агамемнона» позволило Шарову описать новый путь России в Земле Обетованной, в котором связь большевиков и Федорова стала возможна и реальна.

Историософская концепция Владимира Шарова построена на основании интерпретации и осмысления крупных русских философских концепций (Н. Федорова, В. Соловьева, Н. Бердяева и др.). Можно говорить, что историософия Шарова представляет собой своего рода метаисториософию («это историософия в квадрате – то есть составленная из иных, уже существующих в российской мысли историософий; метаисториософия, складывающаяся на материале национальных мифов русского общественного и народного сознания» [Абашева, Киосе 2021: 7]). Шаров интерпретирует, перерабатывает, а порой пародирует различные существующие философские концепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашева М.П. Метаисториософский роман Владимира Шарова «Возвращение в Египет» / М.П. Абашева, О.А. Киосе // Литература в контексте современности: Сборник материалов XIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Челябинск, 10 октября 2021 года. Челябинск: Издательство ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2021. С. 3–8.
2. Ащеулова И.В. Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX начала XXI в // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2013. N 1 (21). С. 80–97.

3. Борисов Г. «Отказ от детей - растянутое самоубийство»: беседа с Владимиром Шаровым // Владимир Шаров: По ту сторону истории / Сборник статей и материалов; под ред. М. Липовецкого и А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 662–680.
4. Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия [Электронный ресурс] // Сетевое издание theartnewspaper.ru, 2015. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/1886/> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Лосский Н.О. История русской философии. // М.: Академический проект, 2018. 551 с.
6. Платонов А.П. Том 2. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. 464 с.
7. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. // М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
8. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. М.: Прогресс, 1995. 518 с.
9. Шаров В.А. Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2013. 759 с.
10. Шаров В.А. Воскрешение Лазаря. М.: ArsisBooks, 2019. 368 с.
11. Шаров В.А. До и во время // След в след. Мне ли не пожалеть. До и во время. М.: Издательство АСТ, 1995. С. 111–255.
12. Шаров В.А. Испытание революцией (русская верховная власть). Эссе. М.: ArsisBooks, 2009. 240 с.
13. Шаров В.А. Октябрь семнадцатого года и конец истории // Перекрестное опыление. М.: АрсисБукс, 2018. С. 77–93.
14. Шаров В.А. Памяти Пролетарской Силы // Знамя, 2009. N 8. С. 154–165.
15. Шаров В.А. Царство Агамемнона. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 669 с.
16. Шаров В.А. Это я: я прожил жизнь [Электронный ресурс] // Дружба Народов, 2000. N 12. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2000/12/eto-ya-ya-prozhil-zhizn.html> (дата обращения: 13.02.2023).
17. Шишкин М. Бегун и корабль // Владимир Шаров: По ту сторону истории / Сборник статей и материалов; под ред. М. Липовецкого и А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020. СС. 36–79.
18. Эпштейн М. Сатаноидея: Религиозный смысл русской истории по Владимиру Шарову // Владимир Шаров: По ту сторону истории / Сборник статей и материалов; под ред. М. Липовецкого и А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 257–285.

© Киосе Оксана Афанасьевна (oks_kiose@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»